

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА

Л.Е. Медиченко

*Хух-Хотоский профессиональный институт, г. Хух-Хото,
Китайская Народная Республика*

«...Да и о седовласых ученых мужах, для которых самые простые слова – "архетип" и "хронотоп", тоже можно сказать, что они "ботают" по современной филологической "фене"» [1, с. 132]. Это язвительное замечание Владимира Новикова заставило задуматься: действительно ли речь не только современных ученых-филологов, но и ученых культурологов (т.е. ученых, занимающихся изучением культуры) подчас кажется постороннему человеку (обывателю) как некое «ботание по культурологической фене». И еще в моей жизни был случай, когда меня попросили порекомендовать молодому человеку для чтения и самообразования в области культурологии какую-либо популярную доступную литературу по данной проблематике. Выполнить эту просьбу было не так просто, зная, как перегружены специальной терминологией научно-популярные издания в данной сфере.

Дабы подтвердить или опровергнуть данное высказывание была предпринята попытка анализа наиболее популярных печатных и электронных изданий по культурологии. Такими популярными (точнее сказать популяризаторскими) изданиями должны быть словари, ведь, чтобы помочь себе в понимании специального текста, человек, зачастую, обращается именно к ним и был проанализирован ряд научно-популярных изданий, учебников и интернет-порталов культурологической направленности. Это было довольно увлекательное занятие, но сначала нам необходимо дать определение данному выражению "Ботать по фене".

Существуют разные подходы к этимологии данного высказывания. Это выражение, так же как и его варианты – "фени ботать", "трескать по фене", - означает "говорить на арго воров". Слово "феня" было зафиксировано в речи деклассированных элементов в 10-20-х годах XX века. Но ряд исследователей полагают, что первоначальный вариант этого оборота еще более старый – это "ботать на офене", условном языке офеней – бродячих торговцев мелким товаром. Эти торговцы оказали сильное влияние на русское арго, и это они говорили между собою на этом разбойничьем "офенском" языке, или "офене", как лучше околпачить покупателей. Сегодня у слова «феня» поистине необъятный смысловой диапазон. Это не только тип речи бродячих торговцев, но это выражение обозначает и множество жизненных реалий. Отсюда произошла не только блатная "феня" (арго), но и молодежно-студенческая "феня".

Само слово "ботать" было в арго еще до "фени". «Ботать» – значит "говорить". Однокоренные слова – "ботало" (язык), "ботва" (тот, кто много говорит). У В.Даля можно найти диалектное слово "ботать": качать, колебать, качать или стучать ногами, мутить воду, глухо звучать [2]. Есть шутивное диалектное словечко "ботало коровье" - то есть болтун. "Ботало" первоначально значило "колокольчик медный или железный, который надевается на шею коровам, пасущимся без пастуха. Есть и другая версия: "ботать" могло произойти и от "болтать" – но, ударение в этих словах разное.

В современном аргю, наряду с "феней" и "ботать по фене", употребляются такие слова, как "фенька" - "мелкая монетка", "фенеботать" - говорить на аргю, "ботать по-свойски" и "ботать по соне", а также "феня в ботах". В нынешнем молодежном жаргоне "фенька", "фенечка" - это мелкие дешевые украшения. Выражение "до фени" - это в просторечии означает "безразличие", то же, что "до лампочки". «Феня» - это еще и эстетическая категория. Таковой она сделалась у концептуалистов, произведения которых, как правило, держатся на одной «придумке», на одном приеме. Доходчиво объяснил сущность концептуализма Лев Рубинштейн: «Художник может и не уметь рисовать, но он обязан придумать какую-то «феню» и ее осуществить». Его собственная «феня» – писание стихов на библиотечных карточках, с тем и вошел он в историю поэзии [3, с.132].

Есть еще одна версия происхождения выражения «ботать по фене». Ее приверженцы настаивают на еврейской «родословной» данного выражения. На иврите есть выражение «Битуй беофен» – выражаться особым способом: «битУй» (выражение), «битА» (произносить, выражать), пройдя через идиш, в русском стало «ботать». Аналогично «офен» (способ) превратился в «феню». «Ботать по фене» - выражаться особым способом, непонятным для окружающих [4евр].

Но вернемся к высказыванию Вл. Новикова, предваряющему нашу статью «...о седовласых ученых мужах, для которых самые простые слова – «архетип» и «хронотоп». В учебнике "Культурология: учебное пособие для студентов заочного обучения всех специальностей» Д.Ю. Столярова и В.В. Картунова в главе, посвященной культуре Нового времени, наталкиваемся на интригующее высказывание: «... Архетипом классицизма можно назвать «кристалл»,.... а архетипом барокко может быть названо «прорастающее зерно» [5, с. 87]. Необходимо отметить, что до этого термин «архетип» в тексте учебника не упоминался, и, соответственно, можно предположить, что студенту (тем более заочнику) он ничего не говорит. Столь поэтическая метафора заинтересовала и нас. Пришлось по-новому оценить свое понимание термина «архетип». В таких случаях мы обращаемся к словарю. Первый, случайный выбор падает на «Культурология. Краткий тематический словарь». Там мы находим определение архетипа, данное Д.В.Матяш: «Культуры архетип – это образы (прообразы), коллективное бессознательное, лежащее в основе любой культуры. Термин архетип культуры ввел К.Г. Юнг для обозначения психического коррелята (?) инстинктов, т. е. результата спонтанного (?) порождения образов инвариантными (?) для всех времен и народов нейродинамическими структурами мозга (?), а также для обозначения чистого, формообразующего элемента восприятия, обуславливающего саму его возможность. Архетипы культуры принципиально противостоят сознанию, а значит их нельзя дискурсивно (?) осмыслить и адекватно выразить в языке. Взаимодействие архетипов культуры и индивидуальных сознательных комплексов психики таят две опасности: а) личностное начало может оказаться растворенным в "коллективном бессознательном", как это свойственно восточным религиозно-мистическим культам; б) индивидуальное "Я" в своей гордыне самодостаточности и автономности может направлять свои усилия на подавление и искажение коллективно-бессознательного данной культуры» [6, с. 24]. После такого определения мы осознаем, что ситуация с пониманием самого термина и

смыслом высказывания учебника еще более усугубляется. Но при современном разнообразии культурологической литературы мы не расстраиваемся, и пытаемся найти в другом словаре объяснение термина «архетип». На этот раз мы обращаемся к солидному двухтомному изданию: «Культурология. XX век. Энциклопедия». Читаем: «Архетипы культурные – базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Содержание архетипов составляет типическое в культуре, и в этом отношении архетипы объективны и трансперсональны(?). Формирование архетипов происходит на уровне культуры всего человечества и культуры крупных исторических общностей в процессе систематизации и схематизации культурного опыта. В силу этого сопричастность к архетипам отдельным индивидом отчетливо не осознается и воспроизведение архетипов конкретной личностью выступает рационально непреднамеренным актом. Архетипы раскрывают свое содержание не через понятие и дискурс(?), но иконически(?), т.е. посредством изобразительной формы. Иконическая природа архетипа обуславливает то, что они явлены в сознании как архетипические образы (?), изобразительные черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации (?). ...» [7, с. 37-38].

Объем статьи не позволяет полностью привести данное определение термина, но, на наш взгляд, и приведенные отрывки навсегда отобьют у студента-заочника желание учиться и самостоятельно познавать учебный материал и понимать культуру. Хотя, что можно понять о культуре из следующего фрагмента: «...Л. Уайт в определении культуры прибегал к предметно-вещественному толкованию. Культура, считал он, представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, которая рассматривается в экстрасоматическом контексте» [8]. Трудно уяснить смысл выражения «экстрасоматический контекст». Слово «контекст», наряду со словами «адекватно», «модификация», «квинтэссенция» и «парадигма», это наиболее «простые» в словарном запасе учебников по культурологии.

Объяснение понятия «контекст» мы находим в «Новейшем философском словаре» «от лат. contextus – соединение, тесная связь – квазитекстовый (?) феномен, порождаемый эффектом системности текста как экспрессивно-семантической целостности и состоящий в супераддитивности (?) смысла и значения текста по отношению к смыслу и значению суммы составляющих его языковых единиц...» [9, с. 502]?! Нет смысла утверждать, что ситуация с пониманием определения культуры Л.Уайта кардинально прояснилась.

Но всем вышеназванным авторам далеко до стилистики «Современного словаря по культурологии», автором-составителем которого выступает Юрчук Ю.В. Позволим себе привести только часть определения термина «кинематограф» – «матрица-вид синкретическо-континуумно-пространственно-трансляционно-временного искусства, которое акцентирует внимание на специфике-диспозициях-интерпретациях кинообраза-кинозидетикомоделей в раппортации-корреляции с грациозно-пластически-художественно-эстетической трансляцией-репродукцией конкретно-реальных событий-антуражей-обстоятельств, при помощи таких экспрессивно-вспомогательных модусов-средств, как а) киноизображение; б) кинодекорации; в) кинодубль; д) киномонтаж и др.» [10, с. 324]. В таком определении вообще трудно узнать, о чем идет речь, не говоря уже о специфике киноискусства.

В данном «научно-популярном издании» особой любовью пользуется слово матрица. Чего стоит определение «контркультура» – «...данное понятие апробируется-используется для денотации-таксации социокультурных диспозиций-ориентиров, которые оппонируют-антитезируют базисным принципам-гезисам, имеющим приоритеты в культуре, а также данный термин можно отождествлять с феноменами молодежной субкультуры, которые отражают-интерпретируют критически-нигилистически-отрицательное отношение к современным социокультурным парадигмам-эталонам-матрицам;...» [10, с. 345]. Этим трудно воспринимаемым определением автор всего лишь сказал, что «контркультура – понятие в современной культурологии и социологии; используется для обозначения социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре. Контркультура отождествляется с молодежной субкультурой 60-х гг., отражающей критическое отношение к современной культуре и отвержение ее как "культуры отцов" [6, с. 321-322]. Хотя и в процитированном нами издании («Культурология XX век.» Энциклопедия) мы находим немало и «изящных» определений. Например, в статье, посвященной Т.Адорно: «В центре внимания А. – регрессивные социальное-антропологические изменения (отмирание рефлексии, замена ее стереотипными реакциями и мысленными клише и т.п.)...». Только специалисту будет понятно, что в данном случае речь идет «об изменениях в обществе, когда человек утрачивает способность самостоятельно мыслить, заменяя ее привычкой думать по шаблону»[6].

После таких изысканий в памяти возникает рассуждение о соотношении эстетических категорий «прекрасное – красивое». Прекрасное – это совершенство формы и содержания, а красивое лишь определяет красоту внешнего облика предметов и явлений, что зачастую и представляют собой подобные научно-популярные издания. Хотя... «красота – универсалия культуры субъект-объектного ряда, фиксирующая содержание и семантико-гештальтную (?) основу сенсорно (?) воспринимаемого совершенства...» [9, с. 514]?!

Каждая сфера деятельности человека накладывает свои клише на речь. Говорить и писать сверхумно, сверхнаучно, наверно, в этом есть большая доля самолюбования: вот какие мы умные и «продвинутые». Но понимать и усваивать это «простому смертному» без «толмача-переводчика» невозможно. Для перевода на язык, доступный для понимания, требуется посредник (медиатор), в роли которого и выступают преподаватели-культурологи (своеобразные «лекторы по распространению...»). И это отмечают многие. Сложившаяся ситуация напоминает некую внутригрупповую профессиональную солидарность: одни создают заумный «продукт» и зарабатывают себе на кусок хлеба, а другие этот продукт несут в массы – распространяют. И это позволяет нам надеяться, что наши услуги будут еще долго востребованы, и без куска хлеба мы не останемся. Но необходимо соответствовать публике, времени и месту. Искусственно не стараться казаться быть грамотными и образованными, а быть таковыми. И еще: недавно в газете "Иностранец" увидела одно из новых определений языка: "Язык – это коллективный портрет общества, и по изменениям в нем можно судить о болезни или здоровье социума". Что ж, с очевидным не поспоришь. Как не поспоришь и с тем, что говорить по-русски лучше, чем «ботать по фене», даже культурологической. Есть еще одно модное выражение: «Сделайте лицо попроще». Так вот, господа-культурологи, и в наш адрес вполне могут сказать такое.

Литература

1. Новиков Вл. Словарь модных слов / Владимир Новиков. – М.: Зебра Е, 2005. – 156 [4]. с.
2. Даль В. Толковый словарь русского языка. – М., 1983.
3. Новиков Вл., указ.соч.
4. Григорий Залевский. Феня на рунете // www.fenia.ru (дата доступа 15.02.2009)
5. Столяров Д.Ю., Кортунов В.В. Культурология: Уч. пособие для студентов заочно-го обучения всех специальностей. – М.: ГАУ им. С. Орджоникидзе, 1998. – 102 с.
6. Культурология. Краткий тематический словарь / Под редакцией: д. ф. н., проф. Драч Г.В., д. ф. н., проф. Матяш Т.П. – Ростов Н/Д: "Феникс", 2001. (Словари XXI века).
7. Культурология XX век. Энциклопедия. В 2-х тт. Т.1 – СПб.: Университетская книга; 000 "Алетейя". – 1998. – С. 447.
8. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – Российский гуманитарный интернет-университет, 1999 // www.i-u.ru (Дата доступа 23.03.2009).
9. Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.
10. Современный словарь по культурологии / Автор-составитель Юрчук Ю.В. – Мн.: "Современное Слово", 1999; Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.

ПОСТИМПЕРСКАЯ ИНЕРЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Объективное изучение процессов социальной и национальной трансформации требует всестороннего учета сопровождающих ее факторов. Одним из них является инертность. Культурная инерция способствует дальнейшему сохранению элементов и установившихся связей в рамках исследуемой культуры. Это одна из составляющих диалектического процесса культурной трансформации.

Целью данной статьи является описание последствий длительного влияния Российской империи на культуру коренного населения Западной Белоруссии (1921-1939 гг.). Изучение данной темы позволит более полно оценить потенциал русского национального движения и его роль в данном регионе.

Наиболее явным признаком влияния Российской империи в регионе было распространение русской культуры и ее институтов. В одной из центральных польских газет, «Варшавской газете», в 1933 году появилась статья, в которой, среди прочего, говорилось о том, что «перед войной полесские местечки, насчитывающие иногда 90 процентов евреев, очень легко русифицировались» [6, с. 260]. Ассимиляция местных жителей была одной из составляющих политики государства и стимулировалась административно. В частности, полностью была русифицирована государственная система образования. Разумеется, что в короткие сроки изменить ее и отношение к ней людей было бы крайне сложно.